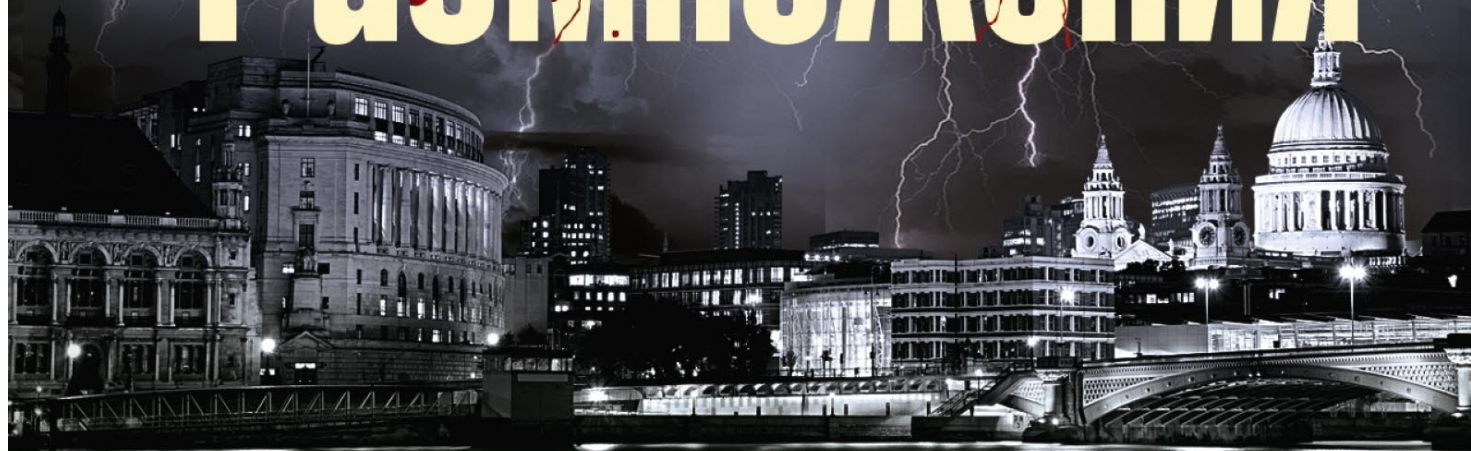

СРЕДА Размножения

DD
HORROR

ШОН ХАТСОН

Слизни

Шон Хатсон

Среда размножения

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Хатсон Ш.

Среда размножения / Ш. Хатсон — ООО «ГЕРМЕС БУКС»,
1985 — (Слизни)

ISBN 978-5-9524-6745-3

В глубине грязных лондонских канализационных тоннелей находится место размножения омерзительных слизней. Медленно и бесшумно они ползут по сырым, зловонным туннелям под городом в поисках человеческой плоти. Их ненасытная потребность не знает границ. Но теперь они приносят новый ужас, заражая свои жертвы безумием и превращая их в безжалостных убийц. В этом водовороте ужаса полиция, медики и представители власти лихорадочно ищут путь к спасению города...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6745-3

© Хатсон Ш., 1985
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1985

Содержание

Пролог	6
Вторник, одиннадцатое число	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Среда, двенадцатое число	19
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шон Хатсон

Среда размножения

*Ты город закрой, а коль спросит народ,
Ответь, что, мол, нечто произойдет...*

Ронни Джеймс Дио

HORROR

SHAUN HUTSON
Breeding Ground
A novel

ТЕМ
· М ·
Е · С

Copyright © 1985 by Shaun Hutson
© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026
© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Пролог

Фермер с нетерпением наблюдал, как из кузова его грузовичка выгружают корзины с салатом-латуком. Он жевал кончик своей трубки, как всегда не зажигая ее.

А вокруг все так и бурлило: то и дело сталкивающиеся ящики, громкие голоса и смех. Обычная какофония, характерная для Ковент-Гардена¹ в ранние утренние часы.

Летнее солнце уже высоко взошло в небе над Лондоном, поливая столицу безжалостным зноем. Да, денек обещал снова обернуться невыносимой жарой.

Фермер не любил этот город. Всю свою жизнь он прожил в деревне, и эти ошеломляющие деревенского жителя давка и суতোлка, типичные для расплзшегося в разные стороны мегаполиса, выводили его из себя. Он перебрросил незажженную трубку в другой угол рта, следя, как осматривают его товар. Покупатель переходил от корзины к корзине, быстро, но со знанием дела исследуя их содержимое. Время от времени он выхватывал пучок салата и швырял его в ближайшую кучу отбросов.

– Опять хороший выдался урожай, – похвалил свой товар фермер.

– Ага, только вот несколько гнилушек попало, – пробормотал покупатель, подцепляя еще одну связку салата.

Приметив что-то в ботве пучка, фермер отправил и эту связку в ту же кучу, в компанию к прочим забракованным.

Спустя четверть часа оптовый покупатель завершил осмотр. Сделка состоялась, и довольный фермер забрался обратно в свой грузовичок. Помахав на прощание покупателю, он двинулся в путь – пробиваться сквозь оживленное уличное движение. Ему очень хотелось быстрее добраться домой, вернуться в тишину своей фермы.

А день шел своим чередом, и куча забракованных овощей делалась все выше и выше, почти достигая человеческого роста. От солнечного зноя зеленый хлам быстро разлагался, и от него начал подниматься крепкий запах. Но те, кто находился поблизости, не замечали этой вони.

Продавцы, занимавшие постоянные места, выкрикивали свои цены, перебраниваясь с конкурентами. Словом, шел самый обычный день.

И никто не заметил пучка салата, валявшегося чуть поодаль от кучи. Он попал сюда из-за странных продолговатых штучек, укрывшихся в листе, – этаких прозрачных слизистых трубочек.

Несмотря на палящий солнечный зной, эти крошечные трубочки поблескивали, словно оставались влажными. Медленно, будто приведенные в движение неким тайным, безмолвным сигналом тревоги, трубочки на глазах стали лопаться и одна за другой превращались в студенистую слизь, выпуская свое содержимое.

Странные трубочки меньше сантиметра длиной были едва заметны на фоне темной гниющей растительности, держась единой, слегка шевелящейся кучкой размером не более спичечного коробка. Их почти прозрачные тельца уже покрывала тоненькая пленка слизи.

А вот росли они быстро. Куда быстрее обычных слизней. Вместе с ростом в них происходила и другая перемена. Поначалу почти невидимые, они стали темнеть, приобретая сначала бледновато-желтый цвет гноя, а потом – светло-коричневый. Они по-прежнему держались единым клубком, скрываясь в морщинистых складках салатных листьев.

И росли, росли...

¹ Ковент-Гарден – с 1661 до 1974 г. это главный фруктовый, овощной и цветочный рынок Лондона. В 1975 г. он был закрыт на реставрацию; в 1980 г. здесь появился первый в Европе специализированный торговый центр с множеством торговых рядов, магазинов, кофейен и ресторанов.

К полудню они были все еще меньше ногтя, но уже увеличились вдвое.

Вторник, одиннадцатое число

Глава 1

Объедок гамбургера был все еще теплым, и Томми Прайс улыбнулся сам себе, засовывая его в рот. Его не беспокоил брезгливый взгляд проходившей мимо женщины, которая видела, как он запустил руку в мусорный ларь и извлек оттуда гамбургер. Быстро сжевав его, Томми вытер руки о свою куртку, а потом еще разок заглянул в ларь. Он порылся в мусоре, пытаясь найти еще что-нибудь, чтобы утолить свой неистовый голод. И все-таки ничего не отыскал. Что-то бормоча себе под нос, он перешел к соседнему ларю и засунул туда руку, словно ребенок – в мешок с подарками. Поиски принесли ему наполовину заполненную упаковку с молочным коктейлем, но когда Томми откинул пластиковую крышечку, то увидел, что густую жидкость покрывает прогорклый слой серозеленой плесени. Вокруг жужжали мухи, одна из них пристроилась на краю картонки, с аппетитом угощаясь нежной свернувшейся жидкостью. Томми зашвырнул коктейль обратно в ларь.

Солнце огненным шаром висело в голубом безоблачном небе, нещадно припекая все внизу. Томми побрел дальше, ощущая под ногами раскаленный тротуар. Жар без труда добрался до его голых ступней сквозь изношенные до дыр башмаки. Продвигаясь вдоль Стрэнда, он останавливался у каждого мусорного ларя и исполнял привычный ритуал – выискивал вхламе что-нибудь мало-мальски съедобное. За последние четыре или пять недель он сделал открытие: пищеварительный тракт человека способен переварить почти все. Особенно когда его владелец едва не подыхает с голода.

И хотя приличной пищи Томми не ел вот уже почти два месяца, на вид он не очень-то и сбавил в весе. Он был крепкого телосложения, ростом около шести футов. И куртка, которую он носил не снимая, с обтрепанными обшлагами, залоснившимися локтями, вся в многочисленных пятнах, чуть ли не лопалась на его широких плечах и спине. Его брюки, когда-то являвшиеся частью добротного костюма, были слишком короткими и не по моде широкими. Они едва прикрывали верх грязных, сморщившихся у лодыжек носков и напоминали специальные хирургические чулки.

Томми Прайс брел себе и брел все дальше от дороги, время от времени врезаясь в туристов и покупателей, хотя они старались обходить его. От Томми не очень-то хорошо пахло, особенно в такую жаркую погоду. Он провел рукой по волосам, не мытым вот уже несколько недель, и вздрогнул, когда его пальцы коснулись какого-то здоровенного прыща в самом верху лба. Приметив свое отражение в окне магазина, он на миг приостановился, пораженный открывшимся зрелищем. Впечатление было таким, будто он смотрит на другого человека, на кого-то, не имеющего с ним ничего общего. «Интересно, – подумал Томми, – исчезнет ли это привидение, если я поморгаю». Он попробовал, но ничего не получилось. Перед ним стояло все то же чумазое и косматое отражение и по-прежнему таращилось на него.

С тех пор как покинул Ньюкасл, он находился в Лондоне вот уже два месяца. Это были два несчастных месяца. Шахта, на которой он работал с шестнадцати лет, закрылась больше года назад, и в свои сорок семь лет он оказался выброшенным на свалку, подобно многим другим людям его поколения. Он еще помнил рассказы своего отца о знаменитом марше в столицу из Джэрроу в двадцать шестом году. Как и отец, он пришел в Лондон, только совсем по другим причинам.

Не в пример многим введенным в заблуждение юнцам, Томми не верил, что в столице ему улыбнется удача, но по крайней мере он надеялся найти хоть какую-нибудь работу. Ему было все равно, какую именно. Однако ничего так и не получилось. Сбережения таяли на гла-

зах, и спустя пару недель после прибытия в Лондон он уже искал приюта в ночлежках Армии спасения². А теперь он не мог более найти приют даже там.

Томми любил выпить. И если уж приходилось украсть бутылку, что ж, не беда – ведь она была ему просто необходима. Его зацапали при попытке прикарманить бутылочку «Хэйга» с уличного лотка. Но, снизойдя к его бедственным обстоятельствам, судья прикрыл дело. Только Томми все равно оставался в отчаянном положении, и в тот же вечер вид банкнот по пять фунтов в кармане соседа по ночлежке оказался для него слишком большим искушением. Его снова сцапали и прогнали прочь, запретив посещать ночлежку. И вот теперь изо дня в день он скитался по улицам, волоча свои жалкие пожитки в истрепанном рюкзаке, рылся в мусорных ящиках гостиниц и дворах закусовых в поисках выброшенных туда скудных объедков.

Разок-другой он подумывал о возвращении в Ньюкасл, но там у него ничего не осталось. Семьи у него не было. Он никогда не был женат. Отец и мать умерли, а младший брат двадцати четырех лет погиб в аварии на шахте. Сестра же теперь жила в Канаде со своим мужем и детьми. На удивление самому себе он с легкостью расстался с мыслями о прошлом. Ощущение было таким, будто он всю свою жизнь слонялся по лондонским улицам, ища пропитания, словно какая-то помойная ворона, поглощающая все мало-мальски съедобное. Поначалу мучился расстройством желудка, но какое-то время спустя его брюхо, похоже, стало бесчувственно к любым, даже самым мерзким отбросам, которые он запихивал туда.

Томми отер пот с лица рукой, заскорузлой от грязи, и поплелся дальше. Еще пять минут – и он доберется до желанного места.

В этот обжигающий летний день Ковент-Гарден выглядел необычно оживленным, но Томми целеустремленно пробирался сквозь толпы, с воодушевлением вглядываясь в горы фруктов и овощей, разложенных повсюду на прилавках. Он задержался, чтобы обследовать очередной мусорный ларь, и лицо его просияло – отыскалась бутылочка «Гиннеса». Правда, горлышко было разбитым, с острыми краями, но Томми поднес бутылку к самым губам и выпил. Темноватая жидкость была теплой и прокисшей, но он проглотил большую ее часть и вытер рот тыльной стороной ладони, прежде чем двинуться дальше. Он громко рыгнул, в животе у него протестующе заурчало. Томми еще хлебнул из бутылки и уловил какой-то особенно мерзкий запах, резко ударивший в ноздри.

Прямо перед собой он увидел кучу фруктов и овощей, выброшенных рыночными торговцами. Без колебаний подойдя к ней, он принялся полными горстями хватать забракованный товар. Его пальцы утонули в гнилом помидоре, но он вытер оранжевую кашу о куртку и затолкнул еще немного провизии в свой рюкзачок.

– Что это ты делаешь, приятель? – раздался чей-то голос, и Томми обернулся. Перед ним стоял крупный мужчина, обнаженный по пояс.

– Тебе ведь это не нужно, а? – спросил Томми, показывая на кучу.

– Приятного аппетита! – бросил мужчина и отошел.

А Томми продолжил свои поиски, не обращая внимания на стаи мух, кишевшие вокруг воняющей кучи. Он подобрал горсть мелкой картошки и затолкал ее в карманы.

Салат-латук он бросил в рюкзачок.

Листья его увяли, но были еще влажными, может быть, немного липкими, как показалось ему: Томми заметил что-то поблескивавшее в листве и ярко сверкавшее на солнечном свете. Но в спешке не обратил на это особого внимания.

А внутри салата маленькие слизи по-прежнему оставались в плотном комке, удерживаемые вместе густой слизью, окружавшей их наподобие студенистого кокона.

² Армия спасения – международная религиозная благотворительная организация, существующая с 1865 г.

Томми, набив в конце концов карманы и рюкзачок выброшенными фруктами и овощами, предоставил оставшуюся гниль мухам и осам, кишмя кишевшим вокруг, подобно волнуемому облаку.

И вот уже торговцы и покупатели остались позади. Томми же высматривал ближайший пустой дверной проем, где можно будет насладиться своим пиршеством. Поблизости, помнил он, находился один магазинчик с заколоченными окнами. По ним кто-то разбрызгал из пульверизатора краску, и Томми мимоходом взглянул на росписи:

ЕСЛИ ТЭТЧЕР – ОТВЕТ, ТО НАСКОЛЬКО ЖЕ ГЛУПЫМ ДОЛЖЕН ТОГДА БЫТЬ ВОПРОС!

НА 99 ПРОЦЕНТОВ – ЛЮДИ ДЕРЬМО!

«А какие проблемы с оставшимся одним процентом?» – подумал Томми, усаживаясь в затемненном дверном проеме среди пожелтевших газет и брошенных пачек из-под сигарет. Он порылся в одной из них и обнаружил более или менее целую штучку «Мальборо». Да, денек у него выдался удачный! Ну, если не считать того, что ему нечем было зажечь сигарету. Томми сунул ее себе в нагрудный карман на будущее и занялся жратвой, которую добыл среди отбросов, и еще у него оставалось немного «Гиннеса» в разбитой бутылке.

Он жадно поглощал запасы, не обращая внимания на тухловатые запахи. Жратвой можно было набить брюхо, а все прочее не имело значения.

Томми запихнул в рот почти целый пучок салата-латука, целиком заглатывая его большие листья.

Внезапно он почувствовал какой-то отвратительный привкус. На миг Томми показалось, что его вот-вот стошнит. Его желудок скрутил спазм, когда что-то жирное и липкое коснулось гортани, прежде чем попасть в пищевод. Он провел языком вокруг рта и губ и выплюнул немного липкой жидкости, на вид напоминающей слизь. Кашлянул и плюнул снова, потом потянулся к бутылке «Гиннеса», опустошив ее одним продолжительным глотком в попытке смыть этот мерзкий привкус. Он отбросил прочь остатки салата и потер живот. Спустя минут-другую привкус, похоже, исчез, и Томми поднялся на ноги, громко рыгнув еще разок. Это было, пожалуй, побольше того, что иной раз он имел во рту за целую неделю. Порывшись в кармане, Томми отыскал сигарету и поплелся в поисках огонька.

А солнце уже достигло зенита. Город по-прежнему изнемогал от безжалостной жары.

На ходу стянув с себя куртку, Томми наслаждался прикосновением солнечных лучей к своей коже.

Оставалось еще два часа до того, как у него начнутся боли.

Почти с неохотой, как бы не желая уступать своего господства на небесах, солнце опустилось ниже, и потемневшее небо возвестило о приближении вечера. Тучи над Лондоном, окрашенные пурпурно-малиновым цветом, пластами наслаивались друг на друга. Яркие краски расплзались по небу, впитываясь в него, словно чернила, всасывающиеся в промокашку. Высокие здания превратились в бесформенные черные монолиты на фоне многокрасочного «задника».

Впрочем, в лондонском Вест-Энде улицы были яркими. Сияние тысяч электрических лампочек и нитей неоновых огней создавало искусственный, разноцветный свет, который оза-рял все, кроме разве самых темных уголков и проходов. Создавалось ощущение, что к этому часу люди оживились, многие отправились на поиски удовольствий, а иные – по делам. Вышли на улицы и полуночники.

Одни покупали, другие продавали.

Томми Прайс медленно двигался по Риджент-стрит, лицо его было бледным и невыразительным, одну руку он крепко прижал к животу.

Боль эта началась у него вскоре после трех часов дня. Поначалу он почувствовал легкое надоедливое недомогание, сосредоточившееся вокруг пупка, – этакое спазматическое раздражение, которое, как он надеялся, пройдет. Но теперь, спустя шесть часов, боль стала почти невыносимой, безжалостно вгрызаясь в него, пока Томми не почувствовал, что все его туловище и даже кишки пылают огнем. Он брел неровной походкой пьяницы и уже не один раз привлекал пристальные взгляды проходивших мимо полицейских. Но никто не остановил его, и он все гнал и гнал по улице, мимо магазинов, теперь уже закрытых, мимо людей, стоявших у выхода из станции метро «Пикадилли». Покупатели и продавцы...

Томми почти на ощупь двинулся через дорогу, едва избежав столкновения с мотоциклистом, и споткнулся о край тротуара на другой стороне, с трудом удержавшись на ногах. Несколько долгих минут он стоял спокойно, ощущая только мучительную боль, вцепившуюся в него стальной хваткой, которая усиливалась с каждой секундой. Он чувствовал приступ неистовой тошноты, терзавшей его тело. И все, что он мог сделать, – это блевануть. Он прислонился к окну оказавшегося рядом бара «Уимпи», глаза на группу молодых ребят, один из которых высунул язык при виде призрачного видения, смотревшего на него с улицы через стекло. Другой мальчишка засмеялся и показал на Томми, который шарахнулся в сторону, врезавшись в высокого юнца в куртке военного образца. Парень недовольно заворчал и толкнул Томми. Тот пошатнулся и упал.

Прохожие держались от него на почтительном расстоянии, хотя один или двое приостановились, чтобы посмотреть, когда он беспомощно корчился на тротуаре, ухватившись за живот.

Томми застонал, когда его пронзила новая волна боли, настолько сильная, что он едва не взвыл во весь голос. И на этот раз он не смог сдержаться. Его желудок охватил спазм, и дурно пахнущий поток блевотины хлынул изо рта на тротуар. Люди, остановившиеся поблизости, поспешили прочь. Две молоденькие девушки с отвращением засмеялись, но Томми не слышал, что они говорили, – как раз в тот миг его сотряс второй спазм, и новый поток жидкости отвратительного цвета хлынул из него, падая густыми комками на тротуар. Он попытался подняться. С его губ и подбородка свешивались вонючие полоски густой блевотины и слизи. Затуманенными от боли глазами он увидел темные прожилки в луже рвоты перед собой. Да и по горькому привкусу он различил, что это была кровь. Томми вытер рот, и дыхание перехватило у него в горле: он увидел темно-красную жидкость, поблескивавшую на тыльной стороне его ладони. При виде этого ему чуть вновь не стало плохо, но он взял себя в руки огромным усилием воли и попытался выпрямиться, однако боль раскаленными добела ножами пронзала его живот, пах и грудь. Он с усилием прошел еще несколько ярдов, а потом привалился к какой-то стене. Дыхание вырывалось из его груди с болью. Чей-то голос поблизости сказал, чтобы он шел дальше, и Томми увидел, что привалился прямо к стеклянному окошечку билетной кассы какого-то кинотеатра. Кассирша, невысокая худенькая женщина в сильных очках, еще разок прикрикнула, чтобы он проваливал, и Томми удалось это сделать, тем более что к нему уже спешил здоровенный привратник.

Когда он переходил дорогу, фигуры людей плыли перед ним, словно в горячечном бреду. Томми видел выражения их лиц, когда они глядели на него, на его куртку и брюки, загаженные блевотиной и кровью. Он видел их отвращение и недоумение. На некоторых лицах читалась даже веселость. Ему хотелось во весь голос воззвать к одному из них о помощи, но он понимал, что это было бы впустую, – чем же, на самом деле, они смогли бы помочь ему? Разве они в состоянии были снять ту боль, которую он испытывал? Остановить мучительную агонию, из-за которой он чувствовал, что его внутренности беспрестанно крутят узлом раскаленные докрасна пальцы? Ухватившись обеими руками за живот, Томми неверной походкой потрусил к Лестерской площади. По мере того как он приближался, огни Швейцарского центра маняще подмигивали ему. Около этого здания стояли деревянные скамейки. Может быть, если он сумеет добраться до одной из них и присесть...

Томми, собрав последние силы, подбежал к скамейкам, едва не рухнув на ближайшую. Он снова скрючился от боли, и слезы страдания полились по его грязным щекам. Позади него, вокруг уличного музыканта, игравшего на саксофоне, собралась небольшая толпа. Мягкая, успокаивающая мелодия плыла вверх, в теплый вечерний воздух, но ничем не могла облегчить боль, которую испытывал Томми. Он посидел еще немного, а потом рывком поднялся, проковыляв мимо немолодой парочки. Они стояли и смотрели ему вслед; он, спотыкаясь, побрел прочь через Лестер-сквер. Огни сияли на фасаде кинотеатра «Империя», ослепляя его. Там было множество юнцов, они сидели на стеночках, окружавших разнообразные маленькие деревца и кусты, которыми было усеяно забетонированное пространство. Кое-кто из пареньков безучастно следил за его неуверенным передвижением, когда Томми направился к общественному туалету.

На верхних ступеньках Томми замедлил ход и остановился – так недолго поскользнуться и покатиться вниз. Шаг за шагом он медленно спускался. Боль стала просто невыносимой. Ощущение было таким, словно все его туловище сжималось, а потом расширялось и вздувалось, вот-вот готовое лопнуть. Он ощущал, что снова подступает тошнота, этакой приливной волной боли. Томми знал, что ее не остановить. Последние несколько шагов он просто прокатился по ступенькам и распластался на мокром полу. Из уголка его рта тоненькой ленточкой сочилась кровь.

Мужчина, стоявший у настенного писсуара, с тревогой и удивлением обернулся. Он так торопился оказаться подальше от этого ужасающего привидения, что едва не обрызгался, заталкивая свой пенис в брюки. Он быстренько застегнул молнию, поморщился, так как в спешке зацепил волосок на лобке, и ринулся вверх по лестнице, оставив Томми распростертым на кафельных плитках.

Томми пополз в сторону кабинки, мучительно продвигаясь дюйм за дюймом. Нижняя часть его тела и грудь пылали от боли, кровь лилась на грязные плитки, расплываясь, словно распускающиеся малиновые цветы. Томми почувствовал, что его желудок снова сдается, но он стиснул зубы, и рот его наполнился блевотиной, которая с силой распирала щеки. В конце концов он выпустил ее наружу зловонной струей желтых выделений с кровавыми пятнами, забрызгавших кабинку и сам унитаз. Голова Томми опустилась прямо в его фарфоровую чашу, и он принялся опустошать в нее свой желудок, пока воду не окрасила кровь. Густая темно-красная жидкость покрывала потрескавшийся фарфор и лилась по подбородку и груди Томми. Он попытался было заорать, но кровь и блевотина перекрыли горло. Томми чувствовал, как что-то теплое и влажное сбегает из его заднего прохода, но он уже не сознавал, что это тоже была кровь.

Он был не в силах дышать. Ему казалось, что его голову постоянно накачивают и накачивают воздухом. А боль в животе все усиливалась, пока он не взмолился, чтобы поскорее пришла смерть и освободила его от этой нестерпимой пытки.

А смерть, похоже, никак не желала приходить. Дверца кабинки захлопнулась у него за спиной.

Глава 2

– Да говорю же я тебе, что это помещение запирают в полночь, – сказал Пол Хилстон, шаря взглядом по безлюдному туалету.

– Значит, у нас есть еще целый час, точно? – проворчал Говард Меллоуз. – Хреновина-то эта у тебя с собой или нет?

Хилстон кивнул, прижимая к груди коричневый бумажный пакет.

– Ты же знаешь: эта траханая полиция заглядывает сюда по вечерам, – беспокойно сказал он. – А я не собираюсь попасть к ним на удочку с этой штукой. – Он кивнул на пакет.

– Ну, если ты боишься, так отваливай прямо сейчас. Хочешь?

– Да не боюсь я.

– Тогда вытаскивай эту хреновину, пока не приклепал какой-нибудь легавый, – потребовал Меллоуз. – Давай зайдем в одну из кабинок.

Меллоуз широко улыбался, демонстрируя зубы, которые некоторое время явно не общались с зубной пастой. Ему было двадцать лет, но его покрытое оспинками лицо было очень уж рябым. Волосы его было коротко острижены, подчеркивая размер ушей, заметно выделявшихся на голове, слишком маленькой для его тела. Коротко обрезанные джинсы выставляли напоказ его высокие ботинки. Их красные шнурки были в тон тенниске.

Хилстон был примерно на год моложе. Этаким тоненький, лисьего вида паренек с гладкой, почти женской кожей, которая еще не ведала бритвы. Правда, волосы у него были еще короче, чем у Меллоуза, и немного светлее. От этого он казался почти лысым. Хилстон собирался нюхать клей впервые в жизни.

– А что, если тут кругом дерьмо? – сказал он. – Гадят тут, понимаешь, куда ни попадя.

– Да пошли они... – откликнулся Меллоуз и пнул ногой дверцу ближайшей кабинки.

Потом он подошел к каждой дверце по очереди, с хихиканьем повторяя эту бессмысленную процедуру. Когда он добрался до последней дверцы, та откатнулась назад только на фут или около того. Он пнул ее снова, чувствуя сопротивление с другой стороны.

На какой-то миг оба замерли, словно пораженные этим неожиданно возникшим препятствием. Потом Меллоуз снова пнул дверцу ногой, и удар ботинка по дереву разнесся громким эхом по безмолвному подземелью.

– В ней кто-то есть, – объявил Хилстон, опускаясь на колено.

Внутри он разглядел темную фигуру, низко склонившуюся над чашей унитаза. В этом мраке было трудно различить цвета. И все же Хилстон сумел разглядеть лужу темной жидкости вокруг основания унитаза. Часть жидкости уже просочилась струйкой под дверь.

– Может, у него понос, – хихикнул Меллоуз, а потом, снова врезав ногой по двери, заорал: – Вылезай, приятель, пора домой!

Плотная деревянная переборка подвинулась еще на пару дюймов, давая Меллоузу возможность протиснуть свою внушительных размеров тушу в кабинку. Он опустил взгляд и тут же увидел мужчину, ворочавшегося перед ним. Теперь он мог разглядеть грязные, забрызганные блевотиной куртку и брюки, спутанные волосы и противоестественную бледность кожи, которая казалась еще бледнее под тускло-резким светом флюоресцентного освещения сортира.

– Да брось ты его, – посоветовал Хилстон. – Идем отсюда. Пошли.

– Что, малость перебрал, приятель, а? – хихикнул Меллоуз, глядя вниз на оборванное существо, распростершееся перед ним.

Томми Прайс не пошевелился.

– Говард, пойдем, – снова позвал его Хилстон, заглядывая через плечо приятеля. – Ты же видишь: он весь обделался.

Меллоуз метнул на дружка сердитый взгляд.

– У него же могут быть бабки, жопа! – рявкнул он.

Внимание Меллоуза снова обратилось к Томми, и он легонько пнул его носком ботинка.

– Эй, просыпайся-ка, – сказал он, снова толкая Томми.

Никакой реакции.

– Брось ты его, Говард! – настаивал Хилстон. – Он же в полном отрубе! – И тут по непонятной причине он рассмеялся. – Похоже, у него и бабок-то ни хрена нет, а?

Меллоуза, кажется, не беспокоила темная жидкость, окружавшая Томми. Она наплывами застывала на грязном полу, словно высыхающая краска. Старший из подростков продолжал пинать неподвижные ноги Томми, и сила его ударов с каждым разом возрастала.

– Да просыпайся же ты, сучонок! – прошипел он, перенося свое внимание на верхнюю половину тела Томми.

Он толкнул его подошвой ботинка и увидел, что тело попросту соскользнуло на пол, а бледное лицо с закрытыми глазами качнулось вверх. Меллоуз потерял глаза, в голове у него все поплыло. Втянув в нос соплю, он заскрежетал зубами, с шумом отхаркнулся и плюнул в Томми густым зеленым комком. Тот попал ему в щеку и скатился вниз, словно гигантская липкая слеза.

Разъяренный тем, что не удастся побудить бродягу хоть к мало-мальскому движению, Меллоуз отступил назад, готовясь ударить покрепче.

– Я тебя сейчас разбужу, убудюк! – прорычал он и послал ногу вперед со всей силой, на какую был способен.

Ботинок ударил Томми в живот.

Плоть и мышцы, похоже, просто разорвались, и рубашка Томми распахнулась, а заодно с ней и низ его туловища. Впечатление было такое, что тело порвалось – от таза до грудины, словно какой-то гороховый стручок. Вся брюшная полость так и открылась, наподобие пары непотребных скользких губ, как бы приветствуя вторжение ботинка Меллоуза, скрывшегося в бурлившей внутри гадости. Плоть разорвалась, как материя, и коротко остриженный подросток едва не потерял равновесие, когда его нога погрузилась в тело бродяги, пробивая дорогу прямо к позвоночнику, – такова оказалась сила этого удара.

Меллоуз посмотрел вниз, и глаза его расширились от ужаса.

А Хилстон попытался заорать, но голоса не было, он только стоял, оцепеневший и изумленный, словно это были драгоценные моменты галлюцинаций.

Ах, как ему хотелось, чтобы так оно и было!

Слизни наполняли разодранное туловище, словно личинки в открытой ране, скользя друг по другу. Их густая слизь смешивалась с кровью и расплескавшейся зеленой желчью, которая сочилась из желчного пузыря Томми. Отвратительные черные твари, некоторые по пятнадцать сантиметров длиной, имели такой вид, будто были сцеплены воедино клейкой жижей, покрывавшей их. Подобно гигантскому черному плотоядному раку, выросшему внутри этого бродяги, слизни буквально жрали внутренние органы, поедая его изнутри. А теперь вот, наконец, с помощью ботинка Меллоуза они хлынули вперед.

Губы Томми беззвучно двигались, и Меллоуз, словно загипнотизированный, наблюдал, как толстое черное нечто выбирается на свободу изо рта бродяги. Глазные стебельки слизня медленно расширялись, и, пока он соскальзывал вниз по бледному лицу своего «хозяина», за ним последовал другой, и еще, еще...

Во впадине горла Томми открылась прореха поменьше, и из нее появился еще один слизень. По мере того как он прогрызал себе дорогу, из разреза побежала и кровь. Извивающиеся фигурки внутри туловища, казалось, двигались, как единый организм, высыпаясь из этой зияющей дыры с каким-то тошнотворным чавкающим звуком, который казался еще громче из-за тишины. Кровь и частицы несъедобных внутренностей хлынули вперед вместе со слизнями,

неся все дальше этот вонючий ковер черных тел, которые уже начали продвигаться в сторону наблюдавших юношей.

Меллоуз почувствовал, что его кишечник расслабляется, и ощутил, как что-то мягкое и теплое забрызгивает его трусы. Зловоние его собственного кала смешалось с мерзким запахом, поднимавшимся от слизи, подобно ядовитому облаку. А те слизи, которые появились из горла и рта Томми Прайса, теперь были заняты пожиранием его изодранного лица, прогрызаясь сквозь глаза и вверх, к мозгу. Другие же прицепились к обрюзгшим губам и принялись кормиться мягкой плотью и свернувшейся жидкостью внутри.

Меллоуз повернулся и побежал, опрокинув по дороге Хилстона в своем усилии спастись от этого кошмарного видения. Хилстон поднялся и развернулся, чтобы последовать за приятелем, корчась на бегу, так как и его желудок наконец-то сдался раздражавшим его спазмам. Выплеснув на бегу поток блевотины, Хилстон едва не поскользнулся на ней. Его шаги неистово застучали вверх по ступенькам.

В конце концов туалет вновь погрузился в молчание, если не считать непотребных сосущих звуков, выпускаемых полчищем слизи, продолжавших сползать с трупа бродяги, пока от него не осталась только гигантская впадина. Кости грудной клетки сияли белизной сквозь кровь и слизь там, где когда-то находились внутренние органы. Подобно сброшенной коже змеи, тело теперь представляло собой просто пустую оболочку, а лицо опустошали те слизи, которые до сих пор еще не насытились. Обе глазницы были теперь пусты, а рот раскрылся в этаким зевке, подобно черному ущелью, демонстрируя, что даже язык был сожран.

Вырвавшиеся вперед более крупные слизи волочили свои разбухшие тела по грязному полу туалета, а за ними следовали компаньоны размером поменьше. Этакая волнообразная слизистая масса, оставлявшая позади поблескивающий след. Они легко и поразительно быстро передвигались по полу, проскальзывая в водосток у основания унитазов, ползли или плыли в желтом потоке мочи, давая засасывать себя в трубы, которые в конце концов перенесли их в канализацию далеко внизу. Темнота, похоже, приветствовала их, и в этой крошечной мгле они были невидимы.

А наверху несколько последних слизи проскользнули в водосточную трубу и скрылись с глаз долой. Было их, вероятно, около сотни.

Но скоро их станет больше, много больше.

Глава 3

Запах был почти невыносимым. Этакая зловонная смесь мочи, кала и блевотины, но и еще чего-то помощнее. И поострее. Это был запах смерти.

Уж этот-то запах инспектор полиции Рей Гроган знал отлично. Он учуял его, как только вошел в этот сортир на Лестерской площади.

Сверкнула фотовспышка, на мгновение озарив холодным белым светом эту подземную пещеру. Гроган слегка поморщился и замедлил шаг, добравшись до нижней ступеньки лестницы. Порывшись в кармане, он извлек оттуда аэрозоль для освежения дыхания и нацелил себе в рот. Но мятная струя промахнулась и угодила ему в нос. Что-то пробормотав, Гроган сделал еще одну попытку, на сей раз удачную. Он бросил аэрозоль обратно в карман и обернулся на присутствовавших там двух полицейских в форме и еще трех в штатском. Фотограф, стоявший прямо перед ним, делал снимки кафельного пола около одной из кабинок. А в дальнем конце ряда еще один полицейский в штатском собирал вещественные доказательства. На нем была вельветовая куртка, потертая на локтях. Его длинные волосы почти доходили до воротника голубой рубашки. А вот коричневые брючки-саксы не мешало бы завернуть вверх на дюйм-другой. Увидев Грогана, мужчина повернулся и побрел к нему.

Они обменялись приветствиями. Коллега Грогана закурил сигарету. А потом сержант криминальной полиции Мартин Николсон предложил сигарету и своему начальнику.

– Да я бросил, – напомнил ему Гроган, стараясь не обращать внимания на запах дыма, летевший к нему. Он вздохнул. – Ну, так что же мы имеем? Стоило ли выволакивать меня из постели в такой час?

Гроган снова сверился со своими часами и увидел, что было самое начало второго. А потом он проследовал за Николсоном к одной из кабинок и заглянул внутрь.

– О господи! – только и пробормотал он.

Фотограф отступил в сторонку, чтобы дать инспектору возможность как следует осмотреть останки Томми Прайса.

Быстрым оценивающим взглядом Гроган пробежал по труп, то есть по тому, что от него осталось, и его желудок слегка забурлил, когда он в изумлении посмотрел поначалу на пустые глазницы, а потом – на зияющую в туловище дыру. Он повернулся к Николсону.

– Кто это? – осведомился инспектор.

– Мы сами не знаем. Никакого удостоверения при нем не было. А может, и было, но его забрали.

– Вообще-то на вид не слишком похоже на нападение грабителей, а? – загадочно промолвил Гроган. – А как насчет отпечатков пальцев? Оpoznания по зубам?

– Все это проверят, как только в дело включатся судмедэксперты.

Гроган кивнул, массируя затылок широкой, мощной на вид лапищей.

– А кто его обнаружил? – спросил он.

– Да один из наших парней, – ответил Николсон. – Он сюда спустился с проверкой примерно в полночь и... – Фраза так и осталась неоконченной. – Я никогда раньше не видел ничего подобного.

– Что ж, присоединяйся к нашему клубу. – Гроган еще разок заглянул за дверь кабинки, устремив глаза на выпотрошенный труп. – А что это за дерьмо у него на лице?

– Похоже на какую-то слизь. Да она повсюду. Погляди-ка! – Он показал на кафель у них под ногами и на липкую жидкость, посверкивающую омерзительным гляncем под мигающими лампами дневного света. – Мы вот еще что тут нашли. – Николсон приподнял пакет с тюбиками бустикового клея. – Вот с них мы сможем получить несколько отпечатков. Ну, и у нас может появиться какой-то ключ к разгадке.

Гроган медленно кивнул, в задумчивости поглаживая подбородок.

– Это могли быть подростки, – предположил Николсон. – Нюхали они или нет – этого не поймешь. Я вот только хотел бы узнать, какое оружие они использовали.

Гроган зашел в кабинку и присел рядом с телом Томми Прайса. Его пристальный взгляд прошелся по рукам мертвеца.

– У него на руках нет никаких порезов, следов обороны, – заметил инспектор. Он посмотрел на засохшую рвоту, коркой запекшуюся на сумке бродяги. – Впечатление такое, что он был в отключке, когда на него напали. Может, пьяный был... – Запах в конце концов стал слишком уж нестерпимый, и инспектор попятился вон из кабинки. Тем не менее он продолжал изучать плоды резни внутри этого маленького помещения. – А крови-то здесь немного, – сообщил он. – Если бы его закололи ножом, она бы тут была повсюду. Такая вот рана в горле перерезала бы ему яремную вену. И все это помещение было бы залито кровью.

– А может, его убили где-то еще и подбросили сюда, – предположил Николсон.

– Думаю, тогда кто-нибудь приметил бы человека, волочившего выпотрошенное тело через Лестерскую площадь. Я хочу сказать, что это место не очень-то пустынно в... – На миг он замолчал. – А когда, по-твоему, наступила смерть?

– Мы этого не узнаем наверняка, пока с ним не поработают ребята из лаборатории. Но, судя по виду кожи на руках, это не могло быть намного позднее одиннадцати или около того. Наш человек обнаружил его сразу после полуночи – трупное окоченение только-только началось.

Николсон пожал плечами и глубоко затянулся сигаретой, выдохнув дым длинной голубой струйкой, которая на миг перекрыла зловоние, стоявшее в туалете.

Гроган почти с вождением посмотрел на эту дымную струйку и на сигарету, а потом отошел в сторонку от своего коллеги и опустил пристальный взгляд на поблескивающий след слизи, тянувшейся через весь пол. «Для слюны слишком уж густо, – подумал он, – да и откуда бы ее так много взялось на теле?» Гроган запустил руки в карманы своей куртки и вздохнул. Обычно, добравшись до места преступления, он мог извлечь из увиденного по меньшей мере две-три ниточки, ведущие к разгадке. Иногда даже возможное оружие убийства, а порой и мотив. Но в данном случае, похоже, невозможно было ничего зацепить. Они ведь даже не знали, кем был этот несчастный ублюдок. «Вот оно, очарование полицейской службы, – язвительно подумал Гроган. – Стой тут в общественном сортире в час ночи, среди крови, мочи и блевотины, уставившись в дыру унитаза».

Он провел ладонью по взъерошенной копне своих седеющих волос и тяжело вздохнул. Может, все еще как-то слепится получше, когда труп изучат ребята из лаборатории. Он, понятное дело, надеялся на это.

С верхушки лестницы донеслось суматошное движение, а спустя мгновение спустились два санитара со скорой помощи, тащившие складные носилки.

– Вон туда, – сказал им Гроган, ткнув большим пальцем в сторону нужной кабинки.

Носилки разложили на полу, и один из полицейских в форме зашел в узенькую кабинку. Гроган услышал, как он негромко воскликнул от отвращения при виде трупа. Когда инспектор повернулся, то увидел, как двое мужчин с усилием подтаскивают тело к поджидающим носилкам. Один из них держал длинные хилые ноги, а другой просунул руку под плечи Томми Прайса. Они поднимали его осторожно, да только, видно, недостаточно осторожно.

Тело у талии разломилось пополам.

Гроган с трудом сглотнул и повернулся к Николсону, когда обе части уложили на носилки и прикрыли одеялом.

– Дай-ка мне сигарету, – попросил инспектор, когда санитары прошли впритирку к нему со своим кошмарным грузом.

– А я думал, ты бросил, – отозвался Николсон, наблюдая, как его начальник вытаскивает из пачки «Эмбасси» сигарету и закуривает.

– Бросил, бросил...

Среда, двенадцатое число

Глава 4

Когда доктор Алан Финч вошел в свой кабинет, первым делом его поприветствовал стрекочущий звонок телефона. Он выждал, пристраивая на полу свой портфель, но спустя секунду трубку снял кто-то в приемной. Услышав женский голос, он сообразил, что регистраторша уже явилась. Вообще-то ему бы следовало понять это еще при виде того, что его почта, как и почта двух его партнеров, аккуратно разложена на отдельные стопки. Он улыбнулся про себя, дотягиваясь до своей, состоящей из белых и коричневых конвертов.

Там оказалась парочка рекламных проспектов от фармацевтических компаний. В одном предлагались новые таблетки для облегчения предменструального напряжения, а в другом утверждалось, что у компании есть самое что ни на есть надежное новое лекарство для контроля кровяного давления. Финч сложил оба проспекта и засунул их обратно в конверты. Прочитать можно и попозже. Потом он принялся вскрывать остальную почту. Так... результаты анализа крови подтверждали его диагноз, что у одного из пациентов была гипогликемия; в другом письме сообщалось, что в ходе пробной операции по удалению новообразования в левом легком одного пожилого мужчины выяснилось, что опухоль была доброкачественной. Финч снова улыбнулся.

Он вышел в приемную, где по-прежнему еще не было пациентов. За регистрационным столиком сидела высокая, крупная женщина, лет под сорок. Перед ней лежала раскрытая книга записи приема больных.

– Доброе утро, Джун, – сказал Финч, дотягиваясь до стопки карточек пациентов, старательно приготовленной для него. – Похоже, денек будет напряженный, – добавил он, кивая на карточки.

– Это не только за нынешнее утро, доктор, – сообщила ему Джун Уэббер.

Она привсталала, чтобы взять блокнот для заметок, лежавший рядом с другим телефоном. Джун была высокой женщиной, всего на дюйм ниже самого Финча. У нее были черные как смоль волосы и весьма приметная, доставляющая ей беспокойство россыпь волосков на лице, особенно над верхней губой. Но, несмотря на свои недостатки, она была первоклассным работником и, возможно, больше любого другого помогала Финчу обжиться на новой работе – ведь он находился тут всего-то каких-нибудь три месяца.

Этот приемный кабинет являлся совместным предприятием трех врачей на площади Блумсбери, а Финч в свои тридцать два года был не только новым партнером, но и самым молодым. Правда, обоим его коллегам было всего-то чуть-чуть за сорок, но и такого возрастного разрыва было достаточно, чтобы позволить себе кое-какие шуточки в адрес младшего партнера. Что ж, он принимал их вполне доброжелательно, чувствуя себя частью системы. Да, он был новичком, но против такого ярлыка не возражал. Он на удивление легко устроился сюда сразу после ухода своего предшественника по состоянию здоровья. И даже постоянные пациенты прежнего доктора, похоже, привыкли к новичку, тронутые его искренностью и заботой. Число пациентов было таким, что каждому врачу отводилось всего пять минут на человека. И все же люди редко покидали кабинет Финча раньше, чем через пятнадцать.

– Вам предстоит сделать один или два визита, доктор, прежде чем вы примете своего первого пациента, – сообщила ему Джун, сверяясь с блокнотом. – Один в жилой дом в Кларкенвэлле. – Она продиктовала Финчу фамилию и адрес. – Там женщина беспокоится по поводу своего мальчишки. Другой – квартира в квартале Флэксмен, мисс Молли Фостер. Записи вот здесь. – И она вручила ему две папочки, содержимое которых Финч быстро просмотрел.

- А на какое время у меня назначен первый прием в кабинете? – спросил он.
- На десять тридцать, – ответила она.
- Ладно, тогда я поехал.

И, прихватив папки, он направился к заднему выходу из здания. Прошел к своей машине, помахав по пути одному из коллег, только что затормозившему рядом. Финч не стал дожидаться окончания обмена приветствиями и, втиснувшись за руль «чеветты», включил двигатель. Затем опустил стекло со стороны пассажира, а потом и свое. Хотя было всего восемь тридцать утра, солнце уже высоко взобралось в ясное голубое небо. Денек обещал обернуться очередной знойной пыткой. Финч даже не мог припомнить, когда в последний раз шел дождь, а в передаче утренних новостей услышал разговор о нормировании воды, если такая жара затянется. Некоторые части Британии уже оказались совершенно лишены воды, поскольку водохранилища пересохли.

Пока он ехал, запах бензина и испарений дизельного топлива наполнил машину, но Финч решил, что это предпочтительнее нестерпимого зноя, который ему пришлось бы переносить, если бы окна были закрыты. Он ехал все дальше, намереваясь вначале нанести визит в Клеркенвэлл. Финч включил радио, которое вместе с плеером-кассетником четыре года назад подарила ему Тереза... Он дал этой мысли улетучиться, стараясь вытеснить из сознания любые воспоминания о жене. Прибавив звук, он сосредоточился на протискивании по улицам, все еще забитым водителями-транзитниками. Они упорствовали в своих ежедневных стычках по поводу того, чье мастерство вождения выше. Финч испытывал облегчение от мысли, что ехать ему предстояло не слишком далеко.

«...Который сообщил, что переговоры снова провалились, – заполнил машину голос диктора. – Лондонская полиция сегодня пытается опознать останки мужчины, обнаруженного в общественном туалете на Лестерской площади. Труп мужчины был сильно изуродован, однако личность его пока что остается загадкой. Скотленд-Ярд не сообщает, было ли это убийство или нет, но данная смерть расценивается как...»

Финч снова убавил звук, а вскоре и вообще выключил радио, сворачивая в ту улицу, которую разыскивал. Он дважды сверил адрес с листком бумаги, лежавшим перед ним, и загнал «чеветту» на соседнюю автостоянку.

На часах было 9:02.

Финч старательно проверил, заперты ли дверцы, прежде чем отойти от машины. Теперь солнце беспощадно изливало свой жар на землю. Уголком носового платка доктор вытер бусинку пота со лба, бредя через улицу в сторону трехэтажного жилого дома в квартале Флэксмен. Путешествие из Кларкенвэлла заняло у него чуть меньше двадцати пяти минут – не так уж и плохо, учитывая напряженное движение. Финч решил, что этот визит был необходим. Ребенок, мальчик шести лет, страдал от сильного воспаления миндалин и очень тяжелого кашля. Финч оставил рецепты и распорядился снова вызвать его, если в течение тридцати шести часов не наступит улучшение. Мать мальчишки была чрезвычайно признательна Финчу, да и сам паренек оказался милым малышом. Совсем как его сынишка, Крис...

Финч заскрежетал зубами – это воспоминание было болезненным. Сделав над собой усилие, он сумел отогнать мысли о собственном ребенке. По крайней мере на время.

Поднявшись на второй этаж, он отыскал нужную квартиру. Точно, номер пять. Финч легонько нажал на звонок и услышал изнутри двухтактный перезвон. Спустя мгновение дверь открылась, и доктор оказался лицом к лицу с молодой женщиной. Финч предположил, что ей под тридцать, не больше, хотя ее осунувшееся лицо, быть может, несправедливо старило ее. Финч подумал, что темные круги под глазами – скорее результат пролитых слез, а не бессонных ночей. В остальном она была чрезвычайно привлекательна: маленькое лицо, обрамленное густыми каштановыми волосами, очень яркими, словно солнце постоянно лило на них свой

свет. Женщина смотрела на него темно-голубыми глазами, одновременно и приветливыми, и встревоженными.

– Доктор Финч? – спросила она, прежде чем он успел заговорить.

Он кивнул и дал провести себя в квартиру.

Она оказалась светлой и полной воздуха. Десятки домашних растений стояли повсюду, подобно зеленым часовым. Какой-то особенно большой каучуконос возвышался над телевизором в углу. Его листья слегка касались фотографии той самой молодой женщины, которая сейчас вела Финча к двери в другую комнату. Он быстро взглянул на фотоснимок, явно сделанный недавно. На нем девушка была изображена в какой-то форме, но он не смог разобрать, в какой именно. Впрочем, эта форма выглядела резким контрастом с тем ниспадающим складками платьем-марлевкой, которое было на ней сейчас. Его расклешенный подол едва доходил женщине до колен, обнажая ровно загоревшие икры.

Она жестом пригласила его в соседнюю комнату, где тоже стояли растения, только их было поменьше. Это, очевидно, спальня, и Финч нахмурился, едва заметив больную на односпальной постели.

– Не могли бы вы оставить нас на минутку, мисс...

– Фостер, – сообщила ему женщина. – Лайза Фостер.

Он улыбнулся, подождав, пока она выйдет из комнаты, а потом двинулся к кровати. Положив свою сумку на соседний туалетный столик, он внимательно посмотрел на больную женщину в постели.

Ее седеющие волосы были откинута назад с покрытого потом лба, обнажая два больших пузыря – один над правым глазом, а другой – немного повыше. Оба пузыря сильно вздулись и на вид были готовы вот-вот лопнуть. На ее запавшей щеке был еще один гнойничок, только этот уже треснул, и из него медленно капала густая желтоватая жидкость. Был пузырь у нее и на подбородке.

Толстые складки плоти свешивались вокруг ее шеи наподобие воротничка, а во впадине горла приютилась еще одна сочащаяся влагой язвочка.

– Миссис Фостер, – сказал Финч, легонько встряхнув женщину. – Вы меня слышите?

Молли Фостер открыла глаза и посмотрела на него с удивительной живостью. В ее глазах была такая искорка, которая, похоже, покинула все остальное тело. Ей даже удалось улыбнуться, но едва она это сделала, как пузырь у нее на подбородке слегка приоткрылся, испустив густое гнойное выделение. И улыбка растаяла в гримасе боли.

Финч достал бумажную салфетку из пачки в своем кармане и стер гной, а потом дотянулся до сумки и извлек оттуда термометр и стетоскоп. Он вставил термометр под язык Молли Фостер и оттянул вниз покрывала, чтобы открыть ее грудь.

На плечах и грудях женщины тоже были поражения. Одно из них яростно вздувалось и пульсировало, словно добавочный сосок. Финч прислушался к ритмичным ударам ее сердца. Все было нормально. Он проверил термометр.

И там тоже все было в норме. Ртуть не поднялась выше обычной отметки.

– И давно это у вас, миссис Фостер? – спросил он, беря свой офтальмоскоп, чтобы всмотреться в ее глаза.

– С прошлой ночи, – ответила она. – Ну, точнее – с сегодняшнего утра. Я не могла уснуть, это вам расскажет моя дочь. С тех пор как умер мой муж, я с трудом засыпаю. Я встала примерно в четыре утра, чтобы приготовить себе чашку чаю.

– А вам больно?

– Ну... здесь вот. – Она показала на одну из язвочек. – Они болят, а больше ничего не болит.

Он достал из своего чемоданчика тонометр и закрепил вокруг руки Молли манжету. Потом с помощью небольшой резиновой груши-насоса принялся накачивать ее до нужного давления. Но и кровяное давление у пациентки тоже оказалось совершенно нормальным.

Финч едва заметно покачал головой.

– Что же со мной случилось, доктор? – спросила она. На миг Финч почувствовал себя беспомощным.

– Нечто такое, чего я не в силах распознать своими простыми методами, – с улыбкой ответил он. – Могу я воспользоваться телефоном? Думаю, вам лучше было бы лечь в больницу, по крайней мере, пока мы не выясним, что же вызвало эти язвы. Я позвоню в скорую помощь.

Молли кивнула, молча наблюдая, как он выходит из комнаты. Лайза напряженно сидела на краешке стула. Когда он вышел к ней, женщина встала. С ее лица так и не сошло выражение беспокойства.

– Что это может быть, доктор? – спросила она.

– Не знаю, – ответил он, как бы извиняясь. – Понадобится проделать кое-какие анализы. Мне придется вызвать скорую помощь.

Она кивнула на телефон и стояла рядом, пока он набирал номер.

– А не может ли это быть какой-то аллергической реакцией? – с надеждой в голосе предположила Лайза.

Финч покачал головой:

– Слишком уж тяжелая форма.

Трубку на другом конце провода сняли, и Финч передал свою информацию. Ему сказали, что скорая помощь прибудет через двадцать минут.

– Возможно, вам необходимо собрать какие-то вещи вашей матери, которые могут понадобиться ей в больнице, – посоветовал Финч. – Они вполне могут оставить ее там на ночь.

Лайза кивнула.

– А в какую больницу ее отвезут? – осведомилась она.

– В Миддлэссекскую, – ответил он, когда Лайза уже направилась к спальне. – Не могли бы вы сказать мне, где тут у вас ванная? Я бы хотел вымыть руки.

Лайза наполнила раковину теплой водой, он дважды тщательно вымыл руки, а потом старательно сполоснул их. Сделав это, он подождал, пока вода уйдет из раковины, пустил холодную воду и побрызгал ею себе на лицо, стараясь успокоиться. Влага ручейками стекала по его лицу, пока он не нашел полотенце и не вытерся, бегло изучив свое отражение в зеркале над раковиной. Состояние Молли Фостер, конечно же, озадачило его. Ее сердечные ритмы, температура, кровяное давление – словом, все было совершенно нормальным. Во всяком случае, все выглядело нормальным, если не считать этих пузырей.

Так что же тогда вызвало их, черт подери?!

Он повесил полотенце на место и повернулся, чтобы выйти из ванной. Финч заметил, что и в этом помещении тоже была зелень. Около унитаза стоял небольшой каучуконос.

Но одного он все-таки не заметил – толстого, поблескивающего слизня, ползущего наискосок по нижним листьям.

Глава 5

Временами этот запах казался сильнее других, а сегодня он был особенно отвратительным.

Джон Бейтсон кашлянул и помахал ладонью перед лицом, но запах выделений густо обволакивал его, подобно плотному облаку, в этом мраке канализационного туннеля. Сам туннель был более трех метров в диаметре, с достаточно высоким потолком, чтобы мужчина ростом под два метра мог идти прямо, не сутулясь. По мере того как Бейтсон продвигался в потоке темной жидкости, она достигала высоты его икр, но надетые на нем болотные сапоги, достигающие до бедер, защищали ноги от дурно пахнущей воды.

Он слышал где-то впереди настойчивое капанье воды. Посветив фонариком вверх, увидел, что часть кирпичной кладки примерно посередине края туннеля повреждена и несколько крупных кусков обрушились в сточные воды. Темная плесень прилипла к стенам и потолку туннеля, добавляя сырой запах к аромату экскрементов. Бейтсон приподнял свою рудничную лампу – красный свет пока что не загорелся. А вот если бы он засветился, пусть даже слегка, то Бейтсону и его коллегам пришлось бы покинуть канализацию, поскольку красный свет оповещал о скоплении газа.

Вода в этом противогрозном коллекторе из-за жаркой погоды стояла ниже, чем обычно. Она никогда не поднималась выше полутора метров, не то что в больших коллекторах подачи воды. Там-то ее уровень мог достигать и двух с лишним метров, полностью заполняя туннели, особенно в сырую погоду. Но в данный момент уровень воды по всей системе был низким.

– Ты бы лучше проверил подальше, – сказал Гарольд Олдфилд, направляя свет собственного фонаря в глубокий мрак. – А об этом проломе я позабочусь.

Бейтсон кивнул и, разбрызгивая воду, пошел дальше по туннелю. Луч его фонаря двигался перед ним взад-вперед.

Постоянный поток воды прорезал глубокую полосу в кирпичной кладке рядом с уровнем воды. Бейтсон опустился на колени, чтобы исследовать это повнимательнее, и потыкал некоторые из разрушенных кирпичей. Под его рукой тут же отломился крупный кусок кладки.

– Эта стена никуда не годится! – крикнул он своему напарнику, и его голос отдался эхом в тишине туннеля.

– Я поднимусь и принесу инструменты! – крикнул в ответ Олдфилд.

Он направился к металлической лестнице, приставленной к люку, через который оба они спустились сюда несколько минут назад. Бейтсону вдруг показалось на миг, что эта тишина почему-то подавляет его. Оставшись совершенно один в туннеле, он почувствовал, как его охватила тоска одиночества. Луч фонаря был мощным, но за пределами узкой полосы света все тонуло во мраке. Из люка наверху, правда, выбивался крохотный солнечный лучик наподобие какой-то бесплотной фигуры. Но это было слишком далеко от него, чтобы можно было мало-мальски воспользоваться этим освещением.

Бейтсон служил канализационным техником немногим более двух лет после окончания школы, но ему до сих пор так и не удалось приспособиться к условиям, в которых он работал. Темнота, замкнутое пространство, запахи и тишина делали его работу неуютной и – весьма часто – несколько даже страшноватой. Он уже много раз подумывал об уходе, но теперь, когда его жена Карен в пределах ближайшего месяца ожидала появления на свет их первого ребенка, об этом и речи быть не могло. Он мог считаться счастливчиком, что нашел такую работу, и вряд ли сейчас было подходящее время начинать присматривать другую. Бейтсон то и дело говорил себе, что должен привыкнуть к ней, но ведь помимо полнейшего неудобства от вечного шлепанья по чужому дерьму этой работе был присущ и элемент опасности. Сточные трубы могли переполниться до краев, в особенности после сильной грозы, да еще и без всякого пред-

варительного симптома. Он уже достаточно наслушался историй о людях, унесенных бурными потоками воды и погибших в ней. О тех, кто заблудился в лабиринте туннелей и в конце концов задохнулся, умер от страха или же был отравлен смертельным метаном, который скапливается под землей. А потом еще эти рассказы о крысах. Олдфилд и другие мужчины постарше из его ремонтной бригады клялись, что видели в туннелях крыс размером с собак. Но Бейтсон не верил их рассказам: гигантские крысы существовали только в фильмах ужасов.

Он услышал какой-то низкий рокочущий звук, становившийся все громче, но через секунду-другую сообразил наконец, что это был просто поезд метро, прошедший внизу. Некоторые коллекторы проходили над линиями метро, другие – под ними. Многие – всего в сорока футах под землей. Рокот кончился, и снова наступила тишина.

Где-то позади себя Бейтсон услышал слабый всплеск и резко развернулся, направив луч фонаря в сторону этого звука.

Но ничего не смог разглядеть.

Послышался еще один всплеск, на этот раз погромче. И еще один.

А потом – снова тишина.

Бейтсон сделал глубокий выдох. Да что же с ним сегодня происходит, черт побери?! Он быстренько сделал себе мысленную выволочку, пытаясь успокоить непривычно расшатавшиеся нервы. И в конце концов уверил себя, что все это результат тревоги по поводу Карен. Несмотря на его уверения, что ему следует остаться с ней дома (он предполагал, что ребенок может родиться преждевременно), жена вытолкала его на работу. Карен просто-таки заверила его, что в ближайшие дни она ни под каким видом не родит.

Мысль о появлении ребенка на миг все же вызвала улыбку на лице Бейтсона. Когда паренек вырастет большим, он свозит его на Стэмфордский мост посмотреть на район Челси, и мальчик будет в своем маленьком белоголубом шарфе и шляпе. Да, уж он-то позаботится, чтобы его малышу не грозили никакие неприятности. У Бейтсона было много друзей в братстве «Хижина», а кроме того, он знал, как надо держать себя в руках. Но когда его сын будет с ним, дела пойдут иначе.

ЕГО СЫН. Эта мысль вызвала у него прилив гордости.

А что, если это будет девочка? Черт побери, об этом-то он и не подумал! Хрен он будет водить девочку на футбольные матчи, не так ли? Бейтсон отбросил эту мысль как невозможную. Нет-нет, это должен быть мальчик. Обязательно мальчик.

Ход его мыслей внезапно был прерван еще одним громким всплеском, на сей раз поближе, а спустя мгновение что-то ударило его по сапогу.

Он посветил фонарем вниз и увидел, что это был кусок дерьма. А большой черный слизень проплыл мимо незамеченным.

Со стороны люка послышались звуки, и спустя мгновение вернулся Олдфилд, волочивший пару сумок с инструментами. Одну из них он вручил своему младшему коллеге. А потом Олдфилд зашлепал обратно по туннелю, чтобы снова заняться своей работой. Оба мужчины принялись болтать о своих делах.

– Когда же твоя старуха собирается ожеребиться? – крикнул Олдфилд. Его голос жутковато отдавался от стен туннеля.

– Теперь-то в любой момент, – отозвался Бейтсон и полез в свою сумку с инструментами за стамеской.

– И ты нервничаешь, да? Это нетрудно заметить. Вот и я был таким же со своим первенцем. Моя-то старуха рожала двенадцать часов, врачи уже думали, что она умрет. А вот второй и третий выскочили, словно горох из стручка. – И он громко заржал.

Бейтсон тоже засмеялся, и этот звук заглушил новую серию всплесков, каждый из которых был все ближе и ближе к нему, чем предыдущий.

Пять больших слизней, каждый длиной сантиметров по пятнадцать с лишним, плавно скользили в воде с изяществом, вовсе не соответствующим их раздувшимся телам. Они двигались в сторону Бейтсона. А над ним, цепляясь за свод туннеля, ползли еще десятки, оставляя за собой густые и вонючие слизистые следы.

Первый из слизней, что были в воде, добрался до сумки Бейтсона с инструментами и пополз по ней вверх, скрываемый окружающим мраком.

– А как ты собираешься назвать своего малыша? – осведомился Олдфилд.

– Да вот думаю Питером или Дэвидом, а может быть, даже Патом, – отозвался Бейтсон, потянувшись к сумке за молотком.

Он отколол несколько разломавшихся кирпичей и сменил инструмент. Его рука едва не коснулась второго слизня, который теперь заползал в его сумку.

А наверху другая черная мерзость продолжала подползать все ближе и ближе.

– А что, если окажется девочка? – со смехом спросил Олдфилд.

Бейтсон на мгновение задумался, а потом широко улыбнулся.

– Керри, – без колебаний ответил он. – Ну, что скажешь?

Олдфилд ничего не ответил.

– Гарри, ты меня слышишь?

И снова никакого ответа.

– Гарри, я...

– По-моему, у нас тут возникла проблема, – негромко сказал Олдфилд, не сводя глаз с огней своей рудничной лампы.

Ее красный предупредительный свет начал быстро мигать, и вот он уже ослепительно засиял.

– Газ! – хрипло выдохнул он. – Давай-ка сматываться отсюда побыстрее!

Бейтсон поднялся на ноги и уже начал двигаться, когда вдруг почувствовал, как что-то ударило его сзади. Он содрогнулся, думая, уж не кусок ли плесени свалился со свода туннеля.

А на него упало что-то другое. Что-то густое и мокрое. Оно было у него на плече.

– Да идем же, шевелись побыстрее! – торопил Олдфилд, уже поднимавшийся по лестнице, ведущей к люку.

Бейтсон поднял руку и попытался смахнуть этот липкий комок со своего комбинезона. В темноте он был не в состоянии разглядеть, что же это такое – холодное и мягкое, словно протухшее дерьмо.

Вцепившись в свой фонарь, он взмахнул им вверх, направляя его луч на свод над головой. Свет фонаря выхватил из темноты массу слизней, которые, похоже, повисли там.

– О, черт! – пробормотал Бейтсон с отвращением.

И тут все слизи как один обрушились со свода.

Штук пять впились в его незащищенное лицо, прицепившись к плоти своими центральными зубами, острыми как бритва. И эти зубы-кирки, подобные рашпилям, немедленно принялись прогрызаться сквозь кожу и мышцы. Слизни прорывали ходы в лице Бейтсона. Одно из чудовищ проскользнуло в манящую влажность его рта, проталкивая свое толстое, вздувшееся тельце в горло. Это вызвало у Бейтсона неистовую рвоту. Но даже поток блевотины не смог изгнать эту слизистую тварь. Прочно зацепившись своим зубом, слизень остался на месте, вгрызаясь в заднюю стенку горла своей жертвы.

Бейтсон начал хвататься за слизня у себя на лице, бешено дергая того, который уже пробивал себе путь в его левую ноздрю.

Другой тем временем скользил по его глазу, вонзив свой серповидный главный зуб в нежную ткань. Кровь потоками бежала по лицу Бейтсона, смешиваясь с его блевотиной и вонючей слизью, испускаемой чудовищами.

В конце концов, почти теряя сознание, он опрокинулся назад, прямо в поток сточных вод, все еще пытаясь сдернуть этих зверей-лакомов, пожирающих его лицо. Его блуждающие на ощупь пальцы не могли удержать скользких мразей, и он корчился в беспомощной агонии в этой мерзкой воде, пока наконец его мотающаяся рука не коснулась чего-то в открытой сумке с инструментами.

Он вцепился в клещи и поднял их к своему лицу, пристроив зажимы вокруг слизня, который почти исчез в его ноздре. Но ему удалось всего лишь раскромсать разбухшее тельце пополам. Густой смрадный желтоватый гной хлынул из разорванного слизня, и часть его ринулась прямо в открытый рот Бейтсона, который и без того был уже полон его собственной кровью и зловонной слизью чудовища, лакобившегося внутри его горла. Бейтсон ухитрился издать громкий булькающий звук, который разнесся эхом по пещероподобному туннелю. А потом слизень сам отцепился и принялся проталкивать свое жирное тело еще дальше, пока не перекрыл ему дыхательное горло.

Бейтсон молотил руками и ногами, словно угорь на раскаленной сковороде. Он был не в силах дышать, его раздирала такая боль, какой он и вообразить никогда не мог. И все-таки он еще продолжал сопротивляться, еще раз воспользовавшись клещами. Он ухватился за головку другой черной твари, которая как раз прогрызала себе путь сквозь его щеку. И последним непокорным усилием Бейтсон защелкнул клещи, зажав их концами приличный кусок собственной кожи. Он дернул, и его глаза выпучились от невыносимой боли. Слизень оторвался, но заодно с ним отошла и большая полоска плоти. Послышался отвратительный звук, очень похожий на звук рвущейся материи, и кожа распоролась, подобно обдираемым обоям. Ее большой, сочащийся кровью лоскут свешивался с клещей, в конце концов отброшенных Бейтсоном. Его тело забилося в бешеных конвульсиях, сбивая в пену грязную воду вокруг.

Те слизи, которые еще оставались в воде, стремительно двинулись к окровавленному кошмару, который только что был человеческим лицом, скользя и ползая по этой кровотокающей глыбе.

Бейтсону казалось, что его голова вот-вот взорвется, и теперь, когда слизи принялись пожирать плоть его шеи, он молился о скорейшем конце.

За несколько мгновений до того, как он наступил, Бейтсон ощутил, как новые слизи, подобно ужасному дождю, обрушиваются на его тело со свода туннеля.

Ну а потом, к счастью, он уже совсем ничего не чувствовал.

Гарольд Олдфилд взглянул на свои наручные часы.

Прошло уже более двух минут с тех пор, как он прокричал свое предупреждение Бейтсону, и тем не менее тот так и не появился из люка. В конце концов Олдфилд пристегнул свой дыхательный аппарат и проверил подачу кислорода. Потом взял у одного из своих коллег еще одну маску и кислородный цилиндр и спустился обратно в люк, осторожно передвигаясь по металлической лесенке. На полпути вниз он приостановился и взглянул на предупредительный сигнальный огонек своей рудничной лампы.

Огонек пока что не загорался. Олдфилд подумал, что, возможно, скопление газа рассеялось. Он слез по оставшимся нескольким ступенькам и опустился на пол туннеля, снова бросив взгляд на предупредительный огонек.

Он слабо померцал, но потом совсем погас.

Олдфилд довольно долго подождал и снял с себя маску.

– Все чисто! – прокричал он коллегам, всматривавшимся вниз, в шахту.

Олдфилд двинулся вдоль туннеля. Его фонарь прорезал в темноте широкую полосу.

– Джон! – крикнул он.

Тишина.

– Джон! Ты меня слышишь?

И снова никакой реакции.

Олдфилд едва не споткнулся о сумку с инструментами. Он посветил фонарем вниз, по тому месту, где недавно работал Бейтсон.

На сумке с инструментами была кровь и еще что-то...

Что-то, поблескивавшее в луче фонаря. Какая-то серебристая жидкость, сочившаяся из сумки густыми шариками. Посветив фонарем вокруг себя, Олдфилд увидел, что эти серебристые выделения были также на стенах и на своде туннеля.

А от Бейтсона не осталось и следа.

Глава 6

Настенные часы в приемном покое Миддлэссекской больницы показывали девятнадцать часов двадцать одну минуту. Финч посмотрел на свои наручные часы и заметил, что они встали. Он решил, что разберется с ними попозже. Миновав незанятый регистрационный стол рядом с главными дверями, он широкими шагами направился к высокой стройной медсестре, которая помогала мужчине средних лет выбраться из кресла-каталки и приспособиться к паре костылей. Финч подождал, пока она завершит эту осторожную процедуру, а потом тепло улыбнулся ей и был рад увидеть ответную улыбку.

– Вы не могли бы проверить ваши сегодняшние записи приема больных? – спросил он. – Я бы хотел повидать кое-кого.

Медсестра вернулась к регистрационному столику. Финч шел следом за ней.

– Как фамилия пациента? – спросила она, раскрывая большой переплетенный том, лежавший на столе.

– Фостер. Молли Фостер, – сказал он. – Я ее врач. Моя фамилия Финч.

Девушка пробежала тонким указательным пальцем по колонке имен и ткнула в найденное.

– Миссис Фостер находится в палате 5С, лифт вон там. – И она показала, куда идти.

Финч поблагодарил ее, дошел до лифта и нажал кнопку пятого этажа. Двери быстро открылись, и он, войдя в лифт, привалился к задней стене кабины, пока она поднималась. Прием своих больных он закончил час назад и нашел время принять душ и выпить чашечку чая, прежде чем переодеться в джинсы и рубашку с открытым воротом. Потом поехал в больницу, твердо решив посмотреть, улучшилось ли хоть немного состояние Молли Фостер, или, по крайней мере, узнать, дали ли анализы ответы на те сбивающие с толку вопросы, с которыми он столкнулся сегодня утром. Финч не мог не спрашивать себя, всегда ли в будущем он сумеет найти время для каждого пациента, как сейчас. Не станет ли он в грядущие годы более равнодушен к тому, что происходит с ними за пределами его приемных часов в служебном кабинете? Он знал, что подобное случается со многими врачами, но пока что был не в силах решить, является ли позиция беспристрастного наблюдателя неизбежной. Что он такое – продукт перенапряжения или возрастающего с годами цинизма?

Лифт со стуком остановился на пятом этаже, и Финч шагнул из него.

Поблизости стоял торговый автомат, заглатывавший монетки какого-то юнца в кожаной куртке. Девочка-подросток с загипсованной правой ногой сидела тут же, у автомата, на кожаном стульчике и наблюдала, как паренек нажимает кнопки и выбирает напитки. Автомат выплюнул пару жестянок кока-колы, и подростки принялись пить, оживленно болтая.

Доктор посмотрел вверх, на вывеску над двустворчатыми дверями с надписью: «Палата 5С». Он вошел, повернул направо и двинулся к столику палатной медсестры. Это была невысокая, хрупкая женщина лет тридцати с небольшим. На ее чулке спустилась петля. Лицо было заостренное, и из-за длинного носа оно выглядело еще менее привлекательным, однако голос был приятномягким.

– Чем я могу вам помочь, сэр? – спросила она с легким и мелодичным ирландским акцентом.

Финч попросил разрешения повидать Молли Фостер, объяснил причину и подождал, пока она проводит его к нужной койке. Их сопровождала дежурная сестра. Она указала ему на несколько ширмочек, которые укрывали Молли от глаз других больных. Сейчас было время для посетителей, поэтому к большинству больных пришел по крайней мере один приятель или родственник, и палату наполняло негромкое журчание разговоров. Финч подошел к ширмам и раздвинул их ровно настолько, чтобы можно было войти.

Услышав движение позади себя, Лайза Фостер повернулась и посмотрела на него. Она стала подниматься, но Финч покачал головой, взглянув вначале на нее, а потом уже – на ее мать. Молли спала, голова ее откинулась набок. Пузыри и язвы были забинтованы. Повязки теперь покрывали едва ли не все ее лицо, шею и руки.

– Надеюсь, вы не против, что я заглянул? – спросил Финч. – Я подумал, что мне следует узнать, как идут дела.

Лайза тоже переоделась после их первой встречи утром. Теперь на ней был легкий свитер, мешковатые рукава закатаны до локтей. Складки свитера скрывали маленькие груди, зато тугие джинсы подчеркивали плавный изгиб ее ягодиц и стройность бедер. Волосы на вид были свежeweмытыми и блестели под палатным освещением. Около глаз он заметил легчайший намек на макияж.

– Ей дали успокоительное примерно час назад, – сообщила Лайза. – Эти... пузыри стали причинять ей боль – так она мне сказала. Девушка отвернулась от Финча. – Я нахожусь с ней с тех пор, как ее сюда привезли.

– Вам следовало бы немного отдохнуть, – посоветовал он.

– Я заскочила домой на двадцать минут, чтобы переодеться. Со мной все в порядке.

Ширмы раздвинулись, и оба они обернулись. Вошел высокий черноволосый мужчина в белой куртке. Посмотрев на Финча и Лайзу поверх очков, он взял дощечку, висевшую в ногах койки Молли.

Финч представился:

– Я тот врач, который просил принять в вашу больницу миссис Фостер.

Мужчина кивнул.

– Есть ли у вас хоть малейшее представление, что это за болезнь? – спросил Финч.

– Пока что нет. – Мужчина посмотрел на Лайзу и едва заметно улыбнулся. – Вы не могли бы выйти отсюда на минутку, мисс Фостер?

Лайза обеспокоенно посмотрела на него.

– Что-нибудь не так? – встревоженно спросила она.

– Вам сообщат, как только нам станет что-либо известно, но не раньше, чем мы узнаем об этом сами, – ответил мужчина в белой куртке и замолчал, ожидая, пока Лайза не отошла от них достаточно далеко. И тогда он посмотрел на Финча. – Моя фамилия Бентон. Питер Бентон. Я отвечаю за анализы, которые мы берем у миссис Фостер. – Он вздохнул. – Боюсь, что с момента приема ее состояние ухудшилось.

Он шагнул к койке и, приподняв руку Молли, осторожно разбинтовал повязку под ее локтем. Потом убрал марлевую прокладку, покрывавшую пораженный участок.

Пузырь, судя по его виду, готов был вот-вот лопнуть, из его краев сочился гной. Но Бентон показывал на участок вокруг пузыря. Под ярким светом он выглядел желтым, вены злоеще выделялись на фоне иссохшей кожи.

– Инфекция распространяется, – невыразительно заметил Финч, узнавая этот симптом.

– За последние два часа у нее поднялась температура, да и кровяное давление тоже, – сообщил ему Бентон. – Она испытывала такие сильные боли, что нам пришлось дать ей болеутоляющее.

– А что показали анализы?

– Мы все еще ждем результатов. Взяли на анализ кровь, частицы кожи и ткани из самих гнойников. Пока мы не пытались применять никакого лечения: мы ведь еще не знаем толком, с чем имеем дело. – Он тщательно забинтовал язву снова. – А следующий шаг – снять одно из пораженных мест и исследовать его.

Финч кивнул и повернулся, собираясь уходить.

– Я еще свяжусь с вами, – сказал он.

– Не могли бы вы поговорить с ее дочерью? – попросил Бентон. – Попытайтесь убедить ее, что она здесь ничем не сможет помочь. Я пытался, но... – Он пожал плечами, не договорив. – Ей бы лучше отправиться домой.

– Я посмотрю, смогу ли что-нибудь сделать, – пообещал Финч и вышел из палаты.

Он нашел Лайзу сидевшей у окна. Она смотрела на заходящее солнце, которое наконец-то к вечеру припекало уж не столь сильно и медленно опускалось к высоким зданиям лондонского горизонта. Теперь оно сократилось до ярко сверкающего в вечерней мгле оранжевого диска. Его мягкое тепло стало приятным облегчением после яростной полуденной жары.

Финч приостановился на миг, изучая профиль Лайзы, смотревшей в окно, а потом громко, по-театральному закашлялся. Она повернулась и встала.

– Теперь мне можно вернуться туда? – спросила она.

– Ваша мать будет спать еще довольно долго, – сказал он. – От того, что вы будете сидеть и смотреть на нее, пользы никакой ни ей, ни вам не будет.

Он приподнял брови. Лайза понимающе кивнула.

– Могу я угостить вас чашечкой кофе? – с улыбкой спросил доктор, направляясь к торговому автомату.

Она снова кивнула и последовала за ним, остановившись рядом, когда Финч затолкал в автомат монетки и нажал на кнопки. Автомат любезно выбросил чашечку, затем наполнил ее всего лишь горячей водой.

– Вам кипяток с сахаром? – с улыбкой спросил он.

Какое-то мгновение Лайза невыразительно смотрела на него, а потом улыбнулась. Впервые с тех пор, как он познакомился с ней.

– Может быть, нам лучше сходить в буфет? – предложил Финч.

И они направились к лифту.

Глава 7

Лайза покачивала в руке чашечку с кофе, поглядывая на кружащуюся бурю жидкость, которую она только что в третий раз помешала.

А Финч маленькими глотками прихлебывал свой кофе и поглядывал на нее в ожидании слов или какой-то иной реакции.

Больничная столовая была полным-полна пациентов: посетителей, врачей, медсестер и прочего персонала, – и все они пили кофе или жевали сандвичи. В помещении не прекращался ровный гомон негромких человеческих голосов.

– Используя традиционное медицинское клише, беспокойство о вашей матери не нужно ни ей, ни вам, – сказал Финч, не сводя глаз с Лайзы. – В данный момент вы ничем не в силах ей помочь.

– Это мне уже говорил доктор Бентон, – призналась она. – Он предложил мне поехать домой и дожждаться, пока они со мной свяжутся.

– Что ж, очень дельный совет.

– Все врачи заодно, не так ли? – язвительно спросила она.

– Послушайте, мисс Фостер, никто ведь не говорит, что вы не вправе беспокоиться о матери, но если вы и дальше будете вести себя так же, то только вымотаетесь и не сумеете помочь ей, когда это понадобится.

– Доктор, вы меня убеждаете или опекаете? – В ее голосе появилось легкое раздражение, которое тут же почувствовал Финч. Доктор увидел в голубых глазах промелькнувший на миг, но быстро растаявший холод. – Простите, – вздохнула она. – Наверное, зря я это сказала. Понимаю, что вы заботитесь и о моем здоровье. – Она отхлебнула немного кофе. – Кстати, вы очень внимательны: благодарю вас, что приехали навестить мою мать. Спасибо.

– Ну... полагаю, мисс Фостер, обязанности врача не должны заканчиваться после того, как закроются двери его кабинета.

– Лайза, – подсказала она ему. – Пожалуйста, зовите меня Лайзой.

Финч улыбнулся и с удовольствием увидел ее ответную улыбку.

– А ваши другие родственники извещены о болезни? – осведомился он.

– Не вижу для этого оснований... доктор, – ответила она.

– Алан, – сказал он. – Меня зовут Алан. Знаете, у врачей тоже есть имена.

Она снова улыбнулась, и это сделало ее лицо еще более привлекательным.

– Алан, – повторила она. – Нет, я не сообщала никому из родных о том, что случилось, потому что в этом, скорее всего, не было смысла. Я одна навещаю свою маму почти каждый день. И если бы не заглянула сегодня утром, она бы так и осталась без помощи. Лежала бы одна-одинешенька, и никто не помог бы ей.

– Я вовсе не хотел любопытствовать, – почти извиняющимся тоном сказал Финч.

Лайза отмахнулась от его слов.

– А с какой стати я должна держать это в тайне? У меня есть две сестры и два брата, и, если бы мама видела кого-то из них чаще двух раз в год, она могла бы считать это счастьем. Кто-то из них, конечно, время от времени звонит ей по телефону – как правило, если им нечего делать в этот час. Но, в общем-то, я – единственная, кто навещает ее. Иногда я остаюсь у нее на выходные.

Финч коротко взглянул на ее руки и увидел, что там нет и намек на обручальное кольцо.

– У нее есть два трехлетних внука, которых она еще ни разу не видела, – продолжала Лайза, словно стремясь освободиться от неприятного груза. Горечь в ее голосе не могла не расстроить Финча. – И так вот все идет, сколько я себя помню. Только я всегда присматривала за ней, когда она нуждалась в помощи, и видит Бог, это мой долг перед ней.

– А ваш отец?.. – осведомился Финч.

– Он умер, когда мне было пятнадцать лет. Мама просто обожала его. А после его смерти она так и не стала прежней. Она никогда не переставала любить его и, знаю, никогда не перестанет. Я часто думаю: что чувствует человек, когда испытывает подобное?

Она снова отхлебнула кофе, на миг потупившись, будто открылась перед ним чуточку больше, чем ей хотелось бы.

– И все-таки вплоть до сегодняшнего дня ваша мать была в целом здоровой женщиной, да? – сказал Финч. – Я посмотрел записи в истории ее болезни.

Лайза кивнула.

– И у вас нет ни малейшего представления, что могло вызвать это... – Он не договорил.

– Она позвонила мне сегодня примерно в шесть утра и попросила приехать к ней. А когда я добралась, то уже застала ее в таком виде.

– А сами вы где живете? – любопытствовал он.

– Я работаю регистраторшей в гостинице «Стрэнд-Палас». У меня там есть комната. Зарботок не слишком велик, но по крайней мере хоть еда и жилье бесплатные. – Она невесело улыбнулась. – Но я останусь дома у мамы, пока все здесь не прояснится. Мне положены отгулы на несколько дней. Наша администрация с пониманием относится к подобным вещам. – Лайза допила свой кофе и отставила чашечку в сторону. Финч наблюдал, как она пробежала руками по своим густым волосам и потрясла головой, заставив этот шелковистый водопад замерцать под верхним освещением. – Что ж, теперь вы узнали обо мне интересные вещи, – насмешливо сказала она. – А вот я о вас не знаю ничего. Вы можете мне рассказать о себе или это будет нарушением клятвы Гиппократы? – сказала она и улыбнулась.

– А что вы хотели бы узнать? – спросил он.

– Давно ли вы работаете врачом?

– Я изучал медицину до двадцати восьми лет. Потом работал один год в системе государственного здравоохранения в Кемдене, а потом переехал в Ноттинг-Хилл и работал в другой больнице полный рабочий день. А три месяца назад перешел на частную практику.

– Вы женаты?

– Разведен, – ответил он более мягким тоном.

– Извините. И все-таки у вас, по крайней мере, хоть был шанс. А я вот порой думаю, не предстоит ли мне так и остаться старой девой. Двадцать восемь лет, а я до сих пор не замужем! Даже моя мама говорит мне, что пора бы остепениться.

– Не думаю, что у вас велики шансы окончить жизнь старой девой. Поверьте, вы очень привлекательная молодая женщина.

Лайза смущенно улыбнулась и сделала попытку сменить тему.

– Вам ясно нравится ваша работа, – сказала она.

– Да, нравится. Вы угадали. Но в ней, как и во всяком деле, есть свои неприятные моменты. – В его голосе она уловила нотки грусти. – Не так-то легко, скажем, втолковать молодой парочке, что их десятимесячный сынишка умирает от лейкемии. Порой я восхищаюсь другими докторами, которые способны абстрагироваться от своих пациентов, во всяком случае – на эмоциональном уровне. Боюсь, что я на это не способен. По крайней мере пока.

Лайза бросила изучающий взгляд на его лицо. Волосы у Финча были темными, почти черными, и, хотя он был чисто выбрит, кожа на его щеках и подбородке тоже выглядела темной, словно растительность на лице не поддавалась даже самой острой бритве. Лоб прорезывали глубокие морщины, глаза окаймляли густые брови, высокие скулы... Она посмотрела на его руки, которые он сложил перед собой на столе, и, несмотря на их величину, почувствовала в них и некую мягкость. Предплечья, открытые благодаря закатанным рукавам рубашки, были мощными, мускулистыми.

Он заметил, что Лайза внимательно смотрит на него. Их глаза встретились, и несколько коротких мгновений они пристально глядели друг на друга.

– У вас усталый вид, – повторил Финч.

– Со мной все в порядке, – заверила она его. – По-моему, мне пора вернуться в палату.

– Лайза, доктор Бентон прав. Вы там ничем не сможете помочь.

– Я не в силах уйти и оставить мать здесь одну.

– За ней хорошо ухаживают. Не позволите ли вы мне отвезти вас домой? Моя машина стоит у больницы.

Поколебавшись немного, Лайза глубоко вздохнула, а потом продолжительно выдохнула.

– Хорошо. Полагаю, я действительно ничего не могу сделать, – неохотно признала она. – И была бы признательна, если бы вы отвезли меня домой.

Они одновременно поднялись и медленно побрели прочь из буфета; миновав приемный покой, они вышли в сумерки. Солнце только что скрылось из виду, и поднялся легкий ветерок. Дождаясь, пока Финч отогреет свою «чеветту», Лайза опустила закатанные рукава свитера. Потом протиснулась в машину. А спустя мгновение устроился за рулем и Финч. Прежде чем тронуться с места, он поправил зеркальце заднего обзора.

Едва машина влилась в движущийся поток, как мимо них проехала скорая помощь с бесшумно вращающимися огнями; Финч оглянулся назад и увидел, как двое мужчин в форме санитаров торопливо идут от машин с носилками. Они скрылись в дверях, над которыми было написано: «Катастрофы».

И он, и Лайза молча проводили их взглядом.

Доктор вел машину, с удовольствием поглядывая в окно, пока «чеветта» пробивалась сквозь поток легковых автомобилей и грузовиков, велосипедов и фургонов, запрудивших улицы возле больницы.

– Вы сказали, что развелись, – совершенно неожиданно промолвила она. – А долго вы были женаты? Ничего, что я об этом спрашиваю? – смущенно улыбнулась она.

Финч покачал головой.

– Шесть лет.

– А дети у вас есть?

Какой-то миг Финч молчал, и Лайза искоса поглядывала на него, изучая его профиль. Она уже собиралась повторить свой вопрос, когда он ответил:

– Есть. Мальчик. Он родился вскоре после того, как мы поженились. – Финч улыбнулся, но в этой улыбке не было и намека на тепло. – Даже врачи, знаете ли, время от времени совершают ошибки.

Лайза поняла, что затронула деликатную тему, и больше ни о чем не спрашивала. Ей хватало и своих собственных проблем.

– Вы считаете, что моя мать умрет? – внезапно задала она вопрос.

Финч нахмурился.

– Нет, – негромко сказал он, и их глаза вновь на миг встретились.

Остаток пути они проделали в полном молчании. Наконец машина остановилась у жилых домов квартала Флэксмен.

– Благодарю вас, – сказала Лайза, берясь за ручку дверцы. – Вы очень любезны, доктор. – И она еще раз озарила его своей лучезарной улыбкой. – Может быть, я еще вас увижу.

– Уверен, что увидите, – улыбнулся он в ответ. – Только, надеюсь, при более радостных обстоятельствах.

Они попрощались, и Лайза выбралась из машины. Финч наблюдал, как она торопливо, не оборачиваясь, идет к дому. Он глубоко вздохнул. Не следовало ли ему сказать ей о том, что инфекция у ее матери распространяется?

«Нет, – ответил он сам себе, – предоставь уж это тем, кто работает в больнице».

Развернув машину, он задумался над вопросом, который задала ему Лайза.

ДОЛЖНА ЛИ УМЕРЕТЬ ее мать?

Он и сам хотел бы это знать.

Финч отъехал, и холодный ветерок, влетевший в открытое окно, заставил его содрогнуться.

Глава 8

Воды Темзы в сгущающейся темноте выглядели черными. Река извивалась по городу, подобно огромному раздувшемуся языку. Иссущающая жара нанесла урон даже могущественной реке, и уровень ее воды опустился на добрых два фута. Берега по обе стороны были едва различимы, они спускались под острым углом к мрачной воде. Обычно скрываемые течением, теперь они обнажились, представляя собой чередующиеся участки глины и грязи, которые причудливо застыли в тех местах, где их особенно безжалостно обжигал дневной зной. Слегка прогорклый запах повис над водой, долетая до берега каждый раз, когда его разгонял резвый вечерний ветерок.

Огни на набережной и на парапетах Вестминстерского моста отражались на поверхности Темзы, подобно драгоценным камням в грязном зеркале.

– Слушай, нам не мешало бы проверить у врача свои дурацкие головы, – сказал Ральф Паттерсон, стараясь нацепить личинку на рыболовный крючок.

– Я тебе точно говорю, Ральф! – настаивал Тревор Дойл. – Один старикашка говорил мне: он слышал, будто в Темзе снова появилась форель.

– Все, что можно найти в Темзе, – это несколько тонн бросового старья, да еще избыток дерьма из этих проклятых канализационных стоков.

Паттерсон повернулся и посмотрел на зияющий зев трубы у себя за спиной. Она возникла из стенки набережной, подобно проголодавшемуся червю, из ее черной утробы доносился зловонный запах. Обычно эти трубы были закрыты водой, но падение уровня выставило их напоказ.

– Форель кормится человеческим дерьмом и прочей гадостью, – настаивал Дойл. – И здесь ее должно быть побольше. Это же и дураку понятно! Готов с тобой поспорить, что мы ее поймаем.

Он бросил свою леску в черную воду и стоял с довольным видом.

– Ничего мы здесь не поймаем, кроме взбучки от властей, – ответил Паттерсон. – Я уверен, что это противозаконно.

Дойл проигнорировал его слова и поправил свою леску.

Обоим им было около тридцати, Паттерсон чуть постарше. Он поднял воротник своей хлопчатобумажной куртки, чтобы защитить шею от холодного ветерка, который дул вдоль набережной.

А на Дойле был только хлопковый свитерок с короткими рукавами, и на его руках уже появились мурашки.

– Надеюсь, что прилива не будет, – сказал он, дрожа.

Паттерсон посмотрел на него и покачал головой, но его хмурый вид сменился удивлением: он почувствовал вдруг, что удочка в его руке задергалась.

– Черт меня подери, кажется, я зацепил что-то! – изумленно воскликнул он.

Паттерсон принялся наматывать катушку, изо всех сил тянул ее, стремясь извлечь улов из воды. Удочка сгибалась от значительной тяжести на другом конце; Дойл же стоял поблизости, словно зачарованный, а его приятель продолжал упрямо сражаться с тем, что попало на крючок.

– Ну, не стой же ты столбом! – недовольно проворчал Паттерсон. – Хватай эту чертову удочку и помоги мне тянуть.

– А ведь я тебе говорил, не так ли? – Дойл ухмыльнулся. – А ты мне не верил!

Вдвоем они сделали последнее мощное усилие, и некий предмет, оторвавшись от воды, пролетел по воздуху и приземлился с глухим стуком рядом с ними. Оба они развернулись, чтобы посмотреть на него.

– Ну и как же ты предлагаешь нам приготовить ЭТО? – раздраженно спросил Паттерсон. Он пнул деревянное сиденье от унитаза носком тренировочной туфли и сердито посмотрел на своего приятеля.

– Кто-то, должно быть, вышвырнул его за борт с корабля, – заявил Дойл. – Что ж, видно, много времени понадобится, чтобы поймать рыбку прямо сейчас, как думаешь?

Паттерсон не ответил. Он был занят насаживанием новой наживки на свой крючок.

– Послушай, у нас было бы больше шансов поймать форель в фонтанах на Трафальгарской площади, – сказал он, снова забрасывая леску в угрюмую реку.

– Все, что нам требуется, – это ждать, – заверил его Дойл.

– Мы вообще-то могли бы посидеть и в пивнушке. Даю тебе максимум полчаса, а потом я отваливаю. Можешь стоять здесь хоть всю ночь, если хочешь.

– Ральф, знаешь, в чем твоя беда? У тебя нет никакой страсти к приключениям, – сказал Дойл.

И вот прошло пять минут.

Десять.

Дойл начинал замерзать окончательно.

– Одолжи-ка свою куртку на минуту, – попросил он, дрожа.

– Отвали, – ответил Паттерсон. – Если идешь на рыбалку, надо одеваться по погоде.

– Да будет тебе, Ральф, у тебя же там под ней еще и свитер.

– Лови давай и заткнись, – хихикая, сказал Паттерсон.

Прошло еще пять минут, и Дойл положил свою удочку на землю.

– Ты куда, мать твою, собрался? – спросил его приятель.

– Хочу на минутку укрыться в этой чертовой трубе, – ответил тот, двигаясь в сторону канализационного стока. – Я до смерти замерз.

Он прошел пять-шесть метров до зева трубы и забрался внутрь, радуясь, что хоть на миг спрятался от студеного ветра. Возможно, Ральф был прав. Может быть, и нет в Темзе никакой форели. Он что-то бормотал себе под нос. Прибить бы надо того ублюдка, который рассказал ему, будто здесь водится форель. Дойл потер руки и потопал ногами в попытке немного разогреть конечности. Он сморщил нос от какого-то зловония, которое, похоже, шло прямо изнутри трубы. Будто от испорченного мяса. Он узнал этот запах, потому что однажды работал в холодной камере на мясокомбинате, перетаскивал там туши. И как-то раз заморозка сломалась и все мясо до единого куса протухло. Вонь тогда стояла просто немыслимая.

И вот теперь он учуял ее снова.

Дойл повернулся, всматриваясь в угрожающий мрак туннеля. Света было достаточно, чтобы увидеть первые шесть-семь футов здоровенной трубы.

Тело распласталось в какой-то сверхъестественной позе: одна рука вытянулась вперед, а другая согнулась, завернувшись за спину. Обе ноги были подогнуты к тому, что осталось от груди, словно труп стоял на коленях. Лицо его было прижато к полу трубы и скрыто от взгляда Дойла.

– Господи Иисусе! – только и смог прошептать он, припадая к земле и зажимая нос от удушающей вони.

Он протянул трясущуюся ладонь и коснулся вытянутой руки мертвеца.

Даже этого было достаточно, чтобы заставить труп опрокинуться, и прямо перед глазами Дойла оказалось то, что когда-то было лицом. Плоть была содрана с него настолько, будто кто-то прошелся по нему паяльной лампой, убрав все лоскутки кожи. Несколько лоскутков свободно свисало вокруг шеи, которая во многих местах была продырявлена, как будто ее чем-то прокалывали. Рот, словно в безмолвном крике, был широко открыт.

– Ральф! – пронзительно завизжал Дойл.

Он не сводил глаз с трупа, в ужасе уставившись на тускло светящиеся кости и изодранные в лохмотья остатки кожи, которые все еще цеплялись за вытянутую руку. Он снова проорал имя Паттерсона.

– Иди сюда, быстрее! – вопил он.

Отбросив удочку, Паттерсон стремглав помчался туда, где стоял его приятель, глаза на труп. Вонь ударила его невидимым кулаком, и он прикрыл лицо ладонью.

– Черт... мать твою! – пробормотал он, стараясь не блевануть, но его желудок неистово крутило, пока он рассматривал труп.

На покойнике был рабочий комбинезон, разорванный и продырявленный в нескольких местах, особенно вокруг груди. Пустые невидящие глазницы уставились на Паттерсона, и в конце концов он отвернулся, поспешно глотая воздух во всю мощь своих легких.

– Нам бы лучше сообщить в полицию, – сказал Дойл, пятясь. – Пойдем же.

Подстегивать Паттерсона не пришлось. Оба они развернулись и побежали, но Дойл кое-что заметил, когда отходил от этого кошмарного привидения, валявшегося в трубе.

На третьем пальце левой руки, теперь уже лишенном плоти и сломанном, блеснуло обручальное кольцо.

Шесть или семь электрических ламп были установлены вокруг входа в канализационный сток, их слепящий флуоресцирующий свет заставлял инспектора Грогана морщиться, пока он пробирался к входному отверстию. Два или три судмедэксперта уже были на месте: один стоял на четвереньках около трубы, пытливо копаясь вокруг в навозной жиже и камнях. Внутри трубы была еще одна подвесная лампа, освещавшая останки трупа. Забравшись внутрь, Гроган наморщил нос.

Над скрюченными останками стоял сержант Николсон и полицейский в форме.

– Кто он? – спросил Гроган, кивая на труп.

– Его имя Джон Бейтсон, – ответил сержант. – Двое его сослуживцев сообщили, что он пропал сегодня днем. Кажется, они работали в противогрозном коллекторе, неподалеку от Хеймаркет. Остальные-то вылезли, потому что там была утечка газа. А когда один из них снова спустился вниз, Бейтсона и след простыл.

– Выходит, его тело было смыто сюда водой из канализации? – спросил Гроган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.